

Марксизм и политическая антропология: пути сближения

Аннотация: К 1990-м годам как историко-материалистический метод, так и неозволюционистские направления политической антропологии зашли в тупик. Сохранив своё холистическое ядро, а именно понимание человеческой истории как единого всемирно-исторического процесса, многие марксисты пришли к пересмотру традиционной формационной модели, признав фундаментальное сходство социально-экономического строя большинства докапиталистических обществ. Тем не менее, зародившиеся на почве этих сомнений социологические модели оказались слабо восприимчивыми к исторической динамике. С другой стороны, политическая антропология в попытке преодолеть универсально-стадиальный взгляд на общество пришла к представлению о разнонаправленности и вариативности исторического процесса. Вместе с тем её арсенал далек от холизма историко-материалистического метода, основываясь на позитивистских идеях о рядоположенности различных «факторов» в становлении экономического и политического облика древних и традиционных обществ. Возвращение представления о единстве всемирно-исторического процесса, акцент на формах организации труда и способах эксплуатации может значительно углубить познавательный потенциал политической антропологии. С другой стороны, накопленный политическими антропологами огромный эмпирический материал должен послужить отправной точкой для дальнейшего развития марксистского представления об особенностях общественной эволюции докапиталистических обществ.

Ключевые слова: марксизм, политическая антропология, исторический материализм

УДК 93

Abstract: This article deals with the possibilities of integration of Marxist and neoevolutionary paradigms in history and anthropology. By the 1990s historical materialism and neoevolutionary branch of political anthropology reached a certain theoretical deadlock. Trying to preserve a holistic kernel of historical materialist method, some marxists rejected the traditional five-membered scheme and embraced the fundamental similarity of social and economic nature of majority of known pre-capitalist societies. Yet the new-born model of a unified pre-capitalist formation lacks any historical dynamism. On the other hand, political anthropologists revising their own unified stadial sets developed a new vision which absorbed the concepts of contingency and multilinearity as well as collapse and desintegration in the societal development. Despite this its fundamentals

* *Целунов Алексей Борисович* – аспирант кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор ОАО «Большая Российская Энциклопедия» (e-mail: celunov_a@mail.ru)

are still based on the positivist theory of «factors». The return of world-wide holistic vision combined with the rediscovery of the traditional subjects of labour systems and modes of exploitation could enrich the heuristic and explanatory potential of political anthropology. Similarly, rich empirical data collected by the political anthropology could serve as a point of departure for deepening the marxist vision of social reproduction in pre-capitalist societies.

Key words: Marxism, political anthropology, historical materialism

Мой доклад посвящён путям сближения историко-материалистических и политантропологических подходов к изучению общественного развития древних и традиционных обществ. При сопоставлении исторического развития этих подходов можно обнаружить множество поразительных сходств и параллелей. Я начну с изложения своего понимания развития исторического материализма, с которым я знаком несравненно лучше, чем с политической антропологией, что по-своему может быть оправдано и тематикой данной конференции.

Всем известно, что длительное время в советских и зарубежных марксистских исследованиях преобладала сталинистская «пятичленная» схема, в соответствии с которой общество последовательно проходит смену пяти общественных формаций. Закреплённая в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938), она долгое время служила методологическим ориентиром для многих поколений советских историков и их зарубежных коллег. Сейчас её принято ругать, но обоснованная научная критика «пятичленки» с высоты уровня знаний учёного XXI века не способна много дать для понимания условий её появления, её внутренней динамики, познавательного потенциала для общественных наук первой половины и середины прошлого века. Появление такого варианта «стадиальной модели», а в особенности выделение «рабовладельческой формации», впервые представленной академическому сообществу В.В. Струве в 1933 г., было прорывом и шагом вперёд в изучении обществ древности. Это была не только догматика, навязанная извне научному сообществу партийным идеологическим аппаратом. Это была полноценная «научно-исследовательская программа» (в терминах И. Лакатоса), которая пыталась преодолеть методологический хаос, позитивистские и циклистские представления об историческом процессе, господствовавшие в советской науке в 1920-30-х гг. Она поставила важный вопрос о качественной определённости разных общественных систем прошлого. В известной степени схема была действенной альтернативой возрождавшегося в послевоенные годы на Западе неозволюционизма, по-своему решая те же задачи, которые ставили перед собой субстантивистски ориентированные антропологи, в частности, К. Поланьи, М. Салинз и другие антропологи.

Тем не менее, её исследовательский и эвристический потенциал уже к 1950-60-м гг. постепенно себя исчерпал. К тому времени и в СССР, и на Западе был накоплен большой и разнообразный материал, значительно обогативший представления историков и экономистов о политической

организации, формах труда, отношениях собственности и методах эксплуатации в докапиталистических классовых обществах. Реакцией на «пятичленку» стали разнообразные, нередко эклектичные и противоречивые теории «азиатского способа производства», основанные на представлении об иной классовой структуре и отношениях собственности в обществах Азии, Африки и доколумбовой Америки. Ответом на критику «азиатчиков» и других оппонентов «ортодоксии» стала разработка (В.В. Струве, затем И.В. Дьяконовым, Г.Ф. Ильиным и др.) т.н. «расширительной» трактовки рабства, в соответствии с которой «формационность» рабовладельческого уклада определялась не абсолютным преобладанием рабов в производстве, а удельным весом рабства и его деформирующим воздействием на всю структуру производственных отношений. Далее, трудности с выявлением феодальных форм зависимости в производственных отношениях стран Востока привели к выработке понятия о «восточном феодализме», в то время как слабая разработанность самого понятия «феодализм» порождала огромные контroversии и трудности также и среди исследователей собственно средневекового Запада. Неудивительно поэтому, что две крупные дискуссии об «азиатском способе производства» (1925-31 и 1957-71), суммированные в обобщающей монографии В.Н. Никифорова 1977 г., по сути, окончились ничьей¹. Вместе с тем недостатки «рабовладельческого способа производства» явно проступали даже в аргументации его наиболее последовательных сторонников. В дальнейшем, по мере крушения монополии официального марксизма в общественных науках, исследовательские линии радикально разошлись. Сторонники «уникальности» восточного пути развития, развивавшие свои идеи внутри официального марксизма, нередко с опорой на избирательное цитирование второстепенных работ и спорных мест из сочинений основоположников марксизма, после 1991 г. в большинстве своём отказались от марксизма в пользу «цивилизационного подхода», что было по-своему вполне логичным и закономерным шагом.

Параллельно, начиная с 70-х гг., развивали свои взгляды и те, кто отстаивал идею единства экономической структуры классовых обществ в эпохи, предшествующие зарождению капитализма. Определённым диалектическим синтезом идей «ортодоксов» и «азиатчиков» стали представления о едином докапиталистическом способе производства, обоснование которого в советской науке в разное время и под разными названиями предлагали Ю.М. Кобищанов («большая феодальная формация») и Е.М. Медведев («вечный феодализм»). В наиболее полной и развёрнутой форме такой подход представлен в трудах В.И. Илюшечкина (1915-1996), выдвинувшего теорию «рентного способа производства» и попытавшегося обосновать его в категориях марксистской политэкономии². К схожим идеям на Западе пришли К. Уикхем и Дж. Холден, подхватившие мысль С. Амина об особом «*трибутарном*» (tributary) способе производства как универсальной стадийной модели, предшествовавшей образованию и экспансии капиталистической

¹ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977.

² Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990.

системы в XVI в.³ Взятые в своём зрелом виде, концепции этих исследователей во многом поразительно схожи и отличаются порой лишь в терминологических нюансах. Характеризуя этот способ производства, В.П. Илюшечкин избегает называть его феодальным, а сам феодализм считает «одним из типов политико-правовой организации»⁴, что согласуется с немарксистским пониманием феодализма в западноевропейской науке. Отказывается от «феодальной» номенклатуры и Дж. Холден, называя такие общества «трибутарными» (tributary), в то время как К. Уикхем считает нужным придерживаться термина «феодализм», впрочем, не особенно на нём настаивая...

Узел проблем связан здесь с диалектикой «ренты» и «налога». Споры велись вокруг того, был ли налог самостоятельной формой эксплуатации или же он являлся своеобразной централизованной рентой, способом перераспределения её среди различных групп господствующего класса. Разные точки зрения на проблему здесь постоянно корректировались, уточнялись и сталкивались друг с другом. Например, взгляды К. Уикхема на протяжении 80-90-х гг. претерпели существенную эволюцию. Поначалу, в своём важном очерке 1984 г. разводя «ренту» и «налог» как основы для разных способов производства, характерных, соответственно, для «Запада» и «Востока»⁵, он со временем пришёл к заключению, что они представляли собой лишь формы одного и того же («феодального») способа производства, основанного на «принудительном изъятии ренты». Аналогичного мнения придерживается и Дж. Холден. Надо сказать, что эти проблемы были знакомы и советской византистике и востоковедению. Сообщество византистов раскололось на тех, кто был склонен видеть в налоге «централизованную ренту» или «разновидность феодальной ренты» (А.П. Каждан), и тех, кто отрицал обоснованность такого уподобления (Г.Г. Литаврин, К.В. Хвостова)⁶. Были, разумеется, и те, кого эти проблемы не интересовали. Сложность и запутанность проблематики характеризует по-своему эмоциональное высказывание М.Я. Сюзюмова, задававшего вопросом: «Не все ли равно, как называется тот прибавочный продукт трудящегося, который передаётся господствующему классу в государстве?»⁷. Подобный взгляд, как кажется, хорошо характеризует и настроения Дж. Холдена, К. Уикхема и их сторонников.

Такая расстановка акцентов существенно углубляет наши представления о прошлом и возвращает «холистическое» видение истории как всемирно-исторического процесса. Его заслуги

³ Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. New York, 1976. P. 13-58; Wickham C. The Uniqueness of the East // The Journal of Peasant Studies. 1985. Vol. 12. № 2-3. P. 186-187; Wickham C. Productive Forces and the Economic Logic of the Feudal Mode of Production // Historical Materialism. 2008. № 16. P. 3-22; Haldon J. The State and the Tributary Mode of Production. London, 1993.

⁴ Илюшечкин В.П. О происхождении и эволюции понятия «феодализм» // Народы Азии и Африки. 1987. № 6. С. 72-85.

⁵ Wickham C. The Other Transition: From the Ancient World to Feudalism // Past and Present. 1984. Vol. 103, № 1. P. 3-36.

⁶ О дискуссии см.: Haldon J. The feudalism debate once more // The Journal of Peasant Studies. 1989. Vol. 17, № 1. P. 7-8.

⁷ Сюзюмов М. Я. Суверенитет, налог и земельная рента в Византии // Античная древность и средние века. Свердловск, 1973. Вып. 9. С. 60.

сложно переоценить. Он обладает существенным эвристическим и познавательным потенциалом, особенно для исторической социологии и компаративистики. Вместе с тем степень разработки такого метода находится сейчас на недопустимо абстрактном уровне; едва ли без нареканий он применим ко всему массиву доступного нам исторического и антропологического материала. Его схематизм препятствует осуществлению важнейшей для материалистической диалектики исследовательской операции — «восхождения от абстрактного к конкретному». Научно-теоретическое понятие, претендующее на охват всего «богатства частных в своих конкретных теоретических определениях»⁸, должно объяснять весь комплекс социально-экономических отношений и явлений.

Это хорошо заметно критикам этого подхода, в т.ч. марксистской направленности. Избирательный и упрощённый подход к интерпретации источников, социологизм и отсутствие исторического «динамизма» и пространственного измерения этой модели справедливо бросается в глаза её критикам⁹. Их важнейшим аргументом против такой трактовки «единого» («френтного», «трибутарного», «феодального») способа производства является полная нивелировка в его рамках как форм организации труда, так и вариантов социополитической организации в древних и традиционных обществах. Это затрудняет углублённое понимание социально-экономической динамики этих обществ, рациональности действий и решений основных агентов общественного производства, логики изменений и распадов сложных общественных систем.

Причина этого, как кажется, кроется в недостаточной разработке понятия «способ производства». На эту тему писали достаточно много, но ясность отсутствует и по сей день. Его отождествление с известными нам формами и методами эксплуатации глубоко ошибочно. Среди сторонников «единой докапиталистической формации» в советской науке наиболее чётко проводил эту линию, как кажется, только В.П. Илюшечкин, выделявший целый ряд «...различных способов соединения эксплуатируемых работников со средствами производства» и «столько же обусловленных этими способами форм эксплуатации и целый ряд обусловленных господствующими формами эксплуатации разновидностей докапиталистической частнособственнической ренты...», при этом подчёркивавший их подчинённость по отношению к типу эксплуатации — своеобразному водоразделу между капиталистическим производством и докапиталистическими производственными системами. Тем не менее, при всех своих достоинствах на излёте советской эпохи это направление оказалось в значительной мере похороненным, а ряд исследователей, включая марксистов (таких, как Ю. Семёнов) отошли от «холистического» взгляда на общественные системы прошлого.

При сопоставлении с тем, что мы знаем о развитии политической антропологии, в особенности неэволюционизма, мы можем наблюдать множество значительных сходств и параллелей. Возрождение

⁸ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997. С. 127.

⁹ Banaji J. Theory as History. Essays on Modes of Production and Exploitation. Leiden, 2010. P. 181-214, 354-356.

интереса к эволюционизму в послевоенное время привело к появлению однолинейных эволюционистских схем М. Салинза, Э. Серсиса, М. Фрида, Р. Карнейро. Они строились на представлении об определённой эволюционной последовательности типов социополитической организации, располагающихся по мере возрастания уровня сложности общественных систем. Эти идеи, независимо от работ западных антропологов, воспринимались и разрабатывались также и в советской исторической науке и этнографии, например, в трудах А.И. Неусыхина, Л.С. Васильева и Ю.И. Семёнова, что говорит о том, что они не были принципиально чуждыми друг другу. Кроме того, интуитивно неэволюционистские модели нащупывали важные и для историко-материалистического подхода моменты диалектического развития общественных систем через преодоление кризисов, определённых точек бифуркации, организационных порогов, в ряде случаев, необратимо запускающих процесс общественной дифференциации и классообразования. Но те же пороки, обрушившие монументальные своды советского истмата, были свойственны и стадиальным теориям неэволюционизма. Груз накопленного эмпирического материала, не укладывающегося в стадиальные модели, которые, как и альтернативные им марксистские, исчерпали свой познавательный и эвристический потенциал, привели постепенно к представлениям о нелинейности, к концепциям «эволюционного поля», пересмотру самого взгляда об эволюции как на процесс непрерывного прогресса и усложнения общества. Эту идею ещё предстоит усвоить новому поколению марксистов, потому что революционно-освободительный потенциал марксизма сам по себе предполагает определённую этику, плохо соотносимую с идеями регресса, случайности, распада. Вместе с тем недостатки неэволюционистской методологии сразу же дали знать о себе в обращении к глубоко позитивистской «теории факторов», грубо разрывающей полотно исторического процесса на механическую комбинацию природно-географических, демографических и культурно-идеологических условий, где, в зависимости от исследовательской оптики подчёркивается решающее воздействие того или иного «триггера», запускающего процесс общественной трансформации — например, дальнего обмена или роли престижных товаров.

К 90-м годам обе теоретические системы пришли к кризисному состоянию. И марксистские, и буржуазные эволюционные схемы оставались, по существу, позитивистскими, описательными моделями, в равной степени ориентированными на понимание закономерностей общественного развития, но ставившими разные вопросы и решавшими разные задачи в рамках своих исследовательских программ. Пути преодоления этого кризиса видятся в сближении этих методов, интеграции эмпирического материала и исследовательского инструментария при обязательном сохранении материалистического ядра теории (если говорить об истмате) и включении политэкономического понятийного аппарата в исследования неэволюционистского толка. Холистичность историко-материалистического метода ориентирует исследователя на понимание

общества как единой производственной системы, в механизмах воспроизводства которой в равной мере задействованы как материальное производство, так и социально-политическая и идеологическая инфраструктура. В то же время марксистский метод не может безусловно принимать модели «социального взаимодействия» или, скажем, представления о решающем воздействии идеологического фактора в политогенезе, который начиная с 90-х гг. разрабатывал и пропагандировал Х.Й. Классен и близкие ему исследователи¹⁰. В то же время отказ от телеологизма, прогрессизма, предзаданности направлений общественной эволюции, допущение явлений инволюции, распада, а также альтернативности эволюционных процессов должно прочно войти в марксистский инструментарий. Внимание неэволюционизма к формам социо-политической интеграции должно быть включено в марксистский метод не как внешний элемент, момент политической и идеологической «надстройки», играющий в объяснительной модели в лучшем случае факультативную роль, а как необходимая интегральная часть общественного производства, определяющая формы движения общественного прибавочного продукта и его редистрибуции среди господствующих классов, что, в свою очередь, может объяснять механизмы политических стратегий, отношений собственности и родства в древних обществах, динамику общественных организмов в целом. В то же время акцент на производстве, а не на обмене, пусть даже «неэквивалентном», способен привнести в неэволюционизм важную и несправедливо забытую проблематику политэкономических категорий, вопросов стоимости и эксплуатации.

Библиография:

- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН. 1997.
- Илюшечкин В.П. О происхождении и эволюции понятия «феодализм» // Народы Азии и Африки. 1987. № 6. С. 72-85.
- Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука. 1990.
- Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М.: Наука. 1977.
- Сюзюмов М. Я. Суверенитет, налог и земельная рента в Византии // Античная древность и средние века. Свердловск, 1973. Вып. 9. С. 57-65.
- Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. New York: The Harvester Press. 1976. P. 13-58.
- Banaji J. Theory as History. Essays on Modes of Production and Exploitation. Leiden: Brill. 2010.
- Haldon J. The feudalism debate once more // The Journal of Peasant Studies. 1989. Vol. 17, № 1. P. 5-40.
- Haldon J. The State and the Tributary Mode of Production. London: Verso. 1993.
- Ideology and the Formation of Early States / ed. H.J.M. Claessen, J.G. Oosten. Leiden: Brill. 1996.
- Wickham C. The Other Transition: From the Ancient World to Feudalism // Past and Present. 1984. Vol. 103, № 1. P. 3-36.
- Wickham C. The Uniqueness of the East // The Journal of Peasant Studies. 1985. Vol. 12. № 2-3. P. 166-196.

¹⁰ Ideology and the formation of early states / ed. H.J.M. Claessen, J.G. Oosten. N. Y., 1996.

Wickham C. Productive Forces and the Economic Logic of the Feudal Mode of Production // Historical Materialism. 2008. № 16. P. 3-22

Bibliography:

Il'enkov E.V. Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii. Moscow: ROSSPEN. 1997.

Ilyushechkin V.P. O proiskhozhdenii i evolyutsii ponyatiya «feodalizm» // Narody Azii i Afriki. 1987. № 6. S. 72-85.

Ilyushechkin V.P. Ekspluatatsiya i sobstvennost' v soslovno-klassovykh obshchestvakh. Moscow: Nauka. 1990.

Nikiforov V.N. Vostok i vseмирnaya istoriya. Moscow: Nauka. 1977.

Syuzumov M. Ya. Suverenitet, nalog i zemel'naya renta v Vizantii // Antichnaya drevnost' i srednie veka. Sverdlovsk, 1973. Vyp. 9. S. 57-65.

Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. New York: The Harvester Press. 1976. P. 13-58.

Banaji J. Theory as History. Essays on Modes of Production and Exploitation. Leiden: Brill. 2010.

Haldon J. The feudalism debate once more // The Journal of Peasant Studies. 1989. Vol. 17, № 1. P. 5-40.

Haldon J. The State and the Tributary Mode of Production. London: Verso. 1993.

Ideology and the Formation of Early States / ed. H.J.M. Claessen, J.G. Oosten. Leiden: Brill. 1996.

Wickham C. The Other Transition: From the Ancient World to Feudalism // Past and Present. 1984. Vol. 103, № 1. P. 3-36.

Wickham C. The Uniqueness of the East // The Journal of Peasant Studies. 1985. Vol. 12. № 2-3. P. 166-196.

Wickham C. Productive Forces and the Economic Logic of the Feudal Mode of Production // Historical Materialism. 2008. № 16. P. 3-22